

Ю.А. ВИНОГРАДОВ

ЦАРИ БОСПОРА И БОСПОРСКИЕ КУРГАНЫ IV в. до н.э.

Боспор Киммерийский в сравнении с другими центрами греческой колонизации, как хорошо известно, выделяется феноменом массового распространения курганных погребений. Особенно большое количество курганов сосредоточено в окрестностях двух столиц Боспорского царства – Пантикапея и Фанагории. Что касается Пантикапея, то сейчас их сохранилось сравнительно немного, но ещё в середине XIX в., по словам П.П. Сабатье, человек, вышедший из Керчи, оказывался «между архипелагом курганов» [Сабатье, 1851, с. 8; ср.: Minns, 1913, p. 422]. Совсем не удивительно, что российская археология начала развиваться как археология курганов, более того, как археология боспорских курганов. Практически все крупные курганы Боспора были раскопаны в XIX в., зачастую на очень низком методическом уровне. Тем не менее, добытые тогда материалы вошли в золотой фонд мировой археологической науки, и каждое поколение исследователей должно возвращаться к их осмыслению. Подобные возвращения необходимы также и по той причине, что материалы, происходящие из многих курганных памятников Боспора, до сих пор полностью не исследованы и не опубликованы.

Ключевым моментом в процессе изучения боспорских древностей, как известно, стало открытие богатого погребения в Куль-Обе в 1830 г. [см.: Дюбрюкс, 2010, с. 167-206]. Никто из наблюдателей этого открытия, конечно, не сомневался, что в кургане было обнаружено захоронение настоящего «царя», хотя о немедленном адекватном осмыслении сделанного открытия говорить никак не приходится. П. Дюбрюкс предположил, что в Куль-Обе был погребён скифский царь [Дюбрюкс, 2010, с. 189-190], но Д. де Монпере заключил, что царь был не скифским, а боспорским [Montréux, 1843, p. 219-222]. А.Б. Ашик в своей известной книге занял весьма противоречивую позицию: поначалу, вероятно, вторя П. Дюбрюксу, он признавал погребение скифским [Ашик, 1848, с. 32-33], но чуть ниже, возможно, под влиянием мнения Д. де Монпере уже писал, что гробница принадлежала «какому-нибудь пантикапейскому Археанактиду» [Ашик, 1848, с. 38; ср.: 1850, с. 138]. Явную негреческую специфику памятника этот исследователь связывал с тем, что нравы, обычаи и язык местных греческих колоний вообще «сильно отзывались соседством скифов» [Ашик, 1848, с. 39]. Сходным образом выражался Г.И. Спасский, считавший более вероятным, что в Куль-Обе был погребён один из боспорских царей, который мог заимствовать

от подчинённых скифов не только одежду, «но самые нравы и обычаи» [Спаский, 1846, с. 120]. Более определённой точки зрения придерживался Ф.А. Жиль, признававший Куль-Обу усыпальницей Левкона или его отца Сатира [ДБК, с. XLVI; но ср.: Жиль, 1861, с. 56], а варварские черты погребального обряда и инвентаря, характерные для этого комплекса, объяснявший тем, что первый Левконид по политическому расчёту был вынужден принять одежду и обычаи народов, над которыми он утвердил своё господство [ДБК, с. XLVIII]. Остаётся только удивляться, насколько учёные XIX в. были радикальны в плане оценки уровня развития греко-варварских связей на Боспоре, если даже правители государства, по их мнению, мало отличались от скифских вождей по одежде, нравам и обычаям. Таковую смелость выводов позднее мог себе позволить лишь М.И. Ростовцев, да и то изредка [Rostowzew, 1913, p. 15]. В начале XXI в. на подобное отважился Н.Ф. Федосеев, посчитавший, что в Куль-Обе были погребены боспорский царь Перисад I и его супруга [Федосеев, 2011, с. 382]. Однако, даже здесь сказанного о варварских особенностях этого комплекса достаточно, чтобы усомниться в допустимости такой гипотезы и трактовать Куль-Обу как погребение скифского царя или, по крайней мере, лица самого высокого социального ранга, происходящего из скифской среды, но отнюдь не владыки Боспора [см.: Алексеев, 1996, с. 101; 2003, с. 230, табл. 10; Виноградов, 2005, с. 271; 2010а, с. 423-425; 2010б, с. 528-529; Власова, 2006; Alekseev, 2005, p. 47].

Отвлекаясь от споров о Куль-Обе, следует признать, что другим боспорским курганам в этом отношении повезло гораздо меньше. Н.П. Кондаков и А.А. Толстой в конце 80-х гг. XIX в. писали, что среди них ни один не отождествлён с погребением какого-нибудь выдающегося лица [Толстой, Кондаков, 1889, с. 22]. Это заключение вполне справедливо и в наши дни, хотя отдельные попытки связать некоторые из курганов с погребением кого-либо из наиболее известных владык Боспора делались неоднократно. К примеру, в устной форме различные исследователи много раз высказывали мысль, что Царский курган принадлежит Перисаду I, но лишь В.Ф. Гайдукевич признал это на страницах своей классической работы [Gajdukevič, 1971, S. 272]. Однако приходится признать и то, что даже точка зрения В.Ф. Гайдукевича выглядит не более, чем остроумная догадка, лишённая увязки с другими погребальными памятниками Боспора. В общем, следует констатировать, что вопрос о выделении среди тысяч боспорских курганов таких, которые бы могли принадлежать владыкам Боспора, чрезвычайно сложен и, в общем, практически не разработан в научной литературе. Учёные продолжают считать его либо чисто схоластическим, либо излишне романтическим, однако это не совсем справедливо. Если обратиться к истории Боспорского царства IV в. до н.э., то мы точно знаем по именам всех его правителей: прежде всего, это Сатир I, Левкон I, Перисад I и Евмел. Прекрасно известно и время правления каждого из них, а значит, с чисто теоретических позиций, следуя классической формуле «единства места и времени», постановка такого вопроса вполне допустима.

В отличие от боспорovedения, в скифологии дискуссия о принадлежности от-

дельных погребальных памятников конкретным историческим личностям стала набирать обороты с конца прошлого века [см.: Болтрик, Фіалко, 1995; Алексеев, 1996; 2003, с. 255 сл.; Кузнецова, 2001; Alekseev, 2005], и она, безусловно, приносит свою пользу. На Боспоре, казалось бы, подобная дискуссия допустима хотя бы по причине относительной скромности размеров государства в сравнении с Великой Скифией, все курганы здесь, так сказать, находятся на виду, к тому же самые крупные из них были раскопаны ещё в XIX в.

Давно и хорошо известно, что у боспорской элиты этого времени существовал обычай курганных погребений, и нет никаких поводов считать, что цари Боспора от этого обычая отказались. Надо думать, что и владык государства хоронили подобным образом, но их курганы, естественно, должны отличаться большей грандиозностью, сложностью устройства погребальных сооружений, особым богатством инвентаря и т.д. Для адекватного понимания этих памятников следует обратить внимание, что курганы правителей демонстрируют политические реалии того времени [Савостина, 1996, с. 48-49; ср.: Виноградов, 2001, с. 77 сл.; 2005, с. 247-248; ср. Крыжицкий, 2002, с. 209-210; Kryzhitskiy, 2005, p. 124-126]. Логично считать, что погребения боспорских владык сооружались в окрестностях Пантикапея, при этом, вероятнее всего, они могли входить в состав элитных курганных некрополей, занимая в них господствующее место, либо располагаться уединённо, в наиболее важных и значимых точках территории государства [Виноградов, 2009]. С другой стороны, курганные некрополи являются маркерами некоего сакрального пространства [Савостина, 1990, с. 240; Русяева, 2000]. Они наглядно демонстрируют связь между миром живых и миром мёртвых. Погребённые в курганах героизированные или даже обожествлённые владыки государства должны были выступать в роли защитников или заступников боспорян перед богами. Само по себе обилие курганов в окрестностях Пантикапея принципиально важно для приближения к пониманию мировоззрения боспорян, особенностей их религиозного мироощущения [Виноградов, 2000, с. 101-102, 120-122], но этот вопрос заслуживает специального рассмотрения (см. статью И.Ю. Шауба в данном сборнике).

Как ни мало мы знаем о погребениях боспорских владык IV в. до н.э., всё-таки можно полагать, что наиболее важными из них были четыре: курган у села Баксы, Острый курган на Юз-Обе, Царский и Золотой.

Баксинский курган, расположенный посреди широкой долины рядом с селом Баксы (совр. Глазовка), является самым ранним в обозначенной группе и по этой причине заслуживает особого внимания [Виноградов, 2011a]. Место для возведения кургана было выбрано не случайно – его отлично видно с переправы через Керченский пролив, от античного Порфмия, а с вершины кургана открывается прекрасный вид на пролив и азиатскую часть Боспора. Раскопками здесь руководил Н.П. Кондаков в 1882 и 1883 гг. [ОАК, 1882-88, с. IV-VIII, XXX-XXXI]. Подробному изложению результатов исследований Баксинского кургана посвящена отдельная статья в данной публикации, и пространные рассуждения на эту тему автор считает

излишними. Можно лишь обратить внимание, что курган, насыпанный на вершине холма, имел крупные размеры, достигая 10,60 м в высоту. Погребение было совершено в каменном склепе, имеющем уступчатое перекрытие. Тело усопшего было положено в деревянный саркофаг, украшенный резьбой, а также костяными и янтарными вставками. Внутри саркофага находились: два деревянных посоха, стригиль, меч с рукоятью, обтянутой золотом, несколько золотых бляшек и пр. Рядом с саркофагом были расположены погребения трёх коней.

Н.П. Кондаков в насыпи кургана обнаружил обломки большого краснофигурного кратера, который можно датировать концом V в. до н.э. или, может быть, чуть позднее [Shefton, 1982, p. 149; 1992, p. 248]. В насыпи были найдены также фасосские амфорные клейма. И. Гарлан, специально изучивший эти клейма, пришёл к заключению, что их следует датировать 380 г. до н.э. с отклонением в пять лет в одну или другую сторону [Garlan, 1992, p.250-251]. По классификации В.И. Каца, они относятся к группам В и С, т.е. датируются от середины 90-х до середины 70-х гг. IV в. до н.э. [Кац, 2007, с. 414]. Как видим, все охарактеризованные материалы позволяют считать, что тризны на кургане были произведены на протяжении первой четверти IV в. до н.э.

Среди находок, происходящих из склепа, хорошо датирована лишь краснофигурная пелика, которую относят к концу V в. до н.э. [ARV², p. 1346, no 1; Горбунова, Передольская, 1961, с. 107, рис. 52; Передольская, 1971, с. 54]. Совсем не исключено, что погребение в склепе было совершено в начале IV в. до н.э., вероятнее всего, не позднее двух первых десятилетий столетия. Фасосские амфорные клейма группы С (по В.И. Кацу) несколько выходят за эту датировку, но, как говорилось выше, их следует связывать с тризнами, а такие церемонии, как представляется, могли проводиться и через несколько лет после совершения захоронения.

Несмотря на отсутствие в склепе особо драгоценных предметов, имеются веские основания считать, что Баксинский курган принадлежал кому-нибудь из самых высокопоставленных лиц Боспорского государства [Ростовцев, 1925, с. 395; Shefton, 1982, p. 155]. Вполне возможно, что он относится к категории царских. Почти 20 лет назад английский исследователь Б. Шефтон предположил, что хронологическая атрибуция этого погребения лучше всего может соответствовать Сатиру I, много сделавшему для расширения своих владений и умершему в 389/88 гг. до н.э. [Shefton, 1992, p. 249]. С этой точкой зрения, на мой взгляд, вполне можно согласиться.

Погребение в кургане у села Баксы носит ярко выраженный греко-варварский характер, и, если предложенная его интерпретация верна, то концепция о негреческом происхождении Спартокидов может получить дополнительную поддержку. В связи с этим следует обратить внимание на некоторые любопытнейшие предметы, обнаруженные в склепе, прежде всего, на украшение деревянного саркофага в виде дощечки с резным изображением солнечного диска. Вряд ли могут быть сомнения в том, что это изображение связано с символикой персидских царей. Около Баксинского кургана были найдены золотые бляшки, также изготовленные в персидской стили-

стике [Пругло, 1963, с. 77-78; Gajdukevič, 1971, S. 141, Abb. 25; Shefton, 1982, p. 154]. Все эти находки, как представляется, позволяют предполагать определённое персидское влияние на первых Спартокидов.

Острый курган занимает центральное место в некрополе боспорской знати Юз-Оба, его предлагается связывать с погребением самого знаменитого правителя среди ранних Спартокидов – Левкона I (389/88 – 349/48 гг. до н.э.) [Виноградов, 2011б]. При нём Боспор сложился как единое греко-варварское государство, не случайно древние авторы именовали упрочившуюся здесь династию Левконидами [Ael. Var. hist. VI, 13; см.: Блаватский, 1976, с. 57; Шелов-Коведяев, 1985, с. 85]. Логично ожидать, что погребение Левкона было совершено очень пышно и в особо важном месте. Острый курган вполне подходит для этого по своему положению и параметрам. Он является доминантой всего некрополя Юз-Оба, а по размерам не уступает Царскому (высота – 17 м, диаметр по основанию – 80 м, длина окружности насыпи – 243 м). Этому кургану тоже посвящена специальная статья публикации, так что и в данном случае уместнее будет ограничиться лишь краткой его характеристикой.

Археологи неоднократно обращались к изучению этого памятника, начиная с 60-х гг. XIX в. [ОАК, 1861, с. V-VI; 1862, с. VI-VII; 1882-88, с. LXXXIV]. Уже первый исследователь кургана А.Е. Люценко выделял его из всех курганов Юз-Обы, даже считал этот памятник загадочным. Острый курган имел каменную крепиду в виде восьмиугольника; ни на одном другом боспорском кургане такого не зафиксировано. С его трёх сторон (западной, восточной и южной) в структуру крепиды были включены необычные постройки в виде больших каменных лестниц; совсем не исключено, что такая «лестница» была возведена и с четвёртой (северной) стороны, не затронутой исследованиями. Ещё раз приходится констатировать, что ни в одном из других известных нам курганов Боспора ничего подобного обнаружено не было. Весьма любопытно, что крепиды, оформленные в виде лестниц, выявлены в некоторых фракийских курганах [Theodossiev, 1995, p. 380]. Рядом с «лестницами» Острого кургана были найдены мраморные обломки, возможно, какого-то монументального памятника. К тому же в насыпи были найдены фрагменты надписи (надписей?), вырубленной на мраморной плите, чего в других курганах тоже не отмечено.

Наконец, в Остром кургане была обнаружена вырубленная в скале большая катакомба (площадь – почти 29,50 кв. м), вход в которую закрывался каменной кладкой. К сожалению, погребение было полностью разграблено, но его датировка IV в. до н.э., в общем, не вызывает сомнения. Погребальное сооружение в виде катакомбы чрезвычайно любопытно, поскольку является нетипичным для Восточного Крыма IV в. до н.э. Данное редкое открытие логично связывать со скифскими катакомбами IV в. до н.э. В высшей степени любопытно при этом, что катакомбы в курганах Крыма очень редки, и, по мнению исследователей, характеризуют не столько погребальную обрядность населения Крымской Скифии, сколько традиции небольших групп скифов, проникавших сюда из Поднепровья и Приазовья [Колтухов, Кислый, Тоцев, 1994, с. 112]. Все эти соображения могут ещё раз указывать на

главное направление политических, экономических и культурных контактов Боспорского царства с миром местных варваров, которые в это время явно вели в Великую Скифию [Виноградов, 2005, с. 273]. Такое предположение кажется вполне вероятным, если вспомнить дружеские связи Левкона со скифами, оказавшими ему содействие в борьбе с политическими противниками, в частности, с гераклеотами (Polyaen. VI. 9, 4). Эти связи, вероятно, настолько окрепли, что после смерти Левкона его захоронение было решено совершить с использованием традиции погребальных сооружений Скифии. Можно даже предположить, что этот огромный курган, возведённый на холмистой гряде к югу от Пантикапея, стал своего рода репером, по обе стороны от которого во второй половине IV в. до н.э. стали насыпаться другие курганы высшего слоя боспорской знати.

При всём сходстве со скифскими памятниками, огромная катакомба Острого кургана имеет одну любопытную особенность, – её свод копирует двухскатную кровлю, тогда как скифские катакомбы чаще всего делались в виде пещер. Эту особенность никак нельзя считать случайной, и в первую очередь в связи с этим, конечно, следует привести двухскатные перекрытия значительной части знаменитых боспорских склепов IV в. до н.э. [Гайдукевич, 1981], в том числе и склепа в кургане у села Баксы, речь о котором шла выше. В качестве отдалённой аналогии можно упомянуть также двухскатное перекрытие гробницы Кира Великого [см.: Матье и др, 1968, с. 92, илл. 280а; Афанасьева и др., 1976/1977, с. 177, 179, рис. 118; Nylander, 1970, p. 91-102; Boardman, 2000, p. 53-60], позднее такая манера распространилась по Малой Азии [Kurtz, Boardman, 1971, p. 284-288, 297, fig. 70; Sevinç, Treister, 2003, p. 216-220, fig. II] и, вероятно, именно оттуда проникла во Фракию или, во всяком случае, повлияла на местную традицию [ср.: Филов, 1937; Миков, 1955; Китов, 1993, с. 39-80; 2005; Базайтова, 2006; Venedikov, 1974]. Болгарская исследовательница Ю. Валева по этому поводу, на мой взгляд, справедливо заметила, что погребальные памятники Малой Азии и Персии, символизировавшие силу монархической власти и династическую преемственность, имитировались царями и знатью других стран, таких, как Фракия и пр. [Valeva, 2005, p. 16].

Необходимо оговориться, что в данном случае имеются в виду гробницы с ложными сводами, но не с привычными для нас – уступчатыми, поскольку «уступы» в них, как правило, были гладко стесаны. Фракийские гробницы с ложным сводом, однако, были сложены из камней, а не вырублены в грунте, как катакомба Острого кургана. Среди персидских погребальных памятников, правда, хорошо известна гробница Дария I в Накш-и-Рустеме, вырубленная в скале и имеющая кровлю, сделанную в виде двухскатной крыши [Schmidt, 1970, p. 82, fig. 31; pl. 38, B; 39, B]. Все эти наблюдения позволяют высказать предположение или, скорей, догадку, что в катакомбе Острого кургана пересеклись различные культурные влияния: скифское, персидское или, вероятно, фракийское, в своей основе тоже инициированная персидским импульсом.

Царский курган является наиболее ярким, хрестоматийно известным памятником

боспорской культуры [см.: Аппик, 1848, с. 27-29, § 24, рис. 1; Гайдукевич, 1949, с. 246-250; 1981, с. 25-44; Блаватский, 1964, с. 50; Шалькевич, 1976; Савостина, 1986, с. 95, № 8; Gajdukevič, 1971, S. 271-272]. Он действительно грандиозен, высота насыпи достигает 17 м, что намного больше, чем у насыпи Баксинского кургана, но приблизительно соответствует Острому. Монументальный склеп Царского кургана с ведущим в него дромосом является самым знаменитым архитектурным сооружением, оставленным нам классической древностью на северном берегу Чёрного моря. Его ярчайшей отличительной особенностью является четырёхугольная погребальная камера, перекрытая круглым, уступчатым сводом. Площадь этой камеры составляет 18,60 кв. м, высота – около 9 м [Гайдукевич, 1949, с. 248; 1981, с. 43]. Несмотря на ограбленность склепа, этот боспорский курган заслуженно назвали Царским, под данную категорию он подходит по всем своим параметрам.

Нет ни малейшего сомнения, что он мог быть возведён только во время экономического процветания и политического благополучия Боспорского государства, вероятнее всего, во второй половине IV в. до н.э. В это время здесь царствовал Перисад I (344/43 – 310/309 гг. до н.э.), который за свои огромные заслуги даже был признан богом (Strab. VII. 4, 4). Не удивительно, что В.Ф. Гайдукевич считал наиболее вероятным, что в Царском кургане был погребён именно Перисад I [Gajdukevič, 1971, S. 272; но ср.: Гайдукевич, 1949, с. 250].

Золотой курган назван мною последним в ряду выделенных погребальных памятников Боспора. Однако именно он являлся самым крупным в окрестностях Керчи (если не считать Кара-Обы), превосходя по размерам даже Царский и Острый курганы. Насыпь, скорее всего, имела в высоту свыше 21 м [Виноградов, 2007, с. 6; 2010в, с. 471; ср.: Гайдукевич, 1949, с. 246; 1981, с. 6 сл.; Цветаева, 1957, с. 233; Gajdukevič, 1971, S. 269-271]. Более того, по этому параметру Золотой курган превосходил почти все самые крупные курганные насыпи в степях Северного Причерноморья времени расцвета Великой Скифии: Чертомлыцкий курган, Солоху, Огуз и др.; его высота приблизительно равнялась лишь с Александропольским [см.: Мозолевский, 1979, с. 152, табл. 4; Алексеев, 2003, с. 227-228].

Большой склеп, открытый Д.В.Карейшей в 1832 г., является замечательным памятником боспорской погребальной архитектуры. Гробница состояла из длинного (18 м) дромоса и круглой в плане погребальной камеры; её диаметр составлял 6,30 м. По размерам склепа Золотой курган заметно превосходил все известные нам погребальные камеры Боспора. К примеру, площадь склепа Царского кургана составляет 18,60 кв. м, а склепа Золотого кургана – 31,40 кв. м; высота, соответственно, – 9 м против 11 м [ср.: Гайдукевич, 1949, с. 248; 1981, с. 43; Gajdukevič, 1971, S. 272]. К сожалению, это сооружение было полностью ограблено, но его принадлежность к разряду царских вполне очевидна для любого непредвзятого наблюдателя.

Всем хорошо известно, что в научной литературе долгое время дискутировался вопрос о датировке Золотого кургана, связи конструкции его погребальной камеры или, по крайней мере, крепиды с микенской или киммерийской традицией.

В.Ф. Гайдукевич, внимательно изучивший имеющуюся архивную документацию, пришёл к однозначному заключению, что все эти догадки необходимо отклонить, «как совершенно необоснованные» [Гайдукевич, 1981, с. 21]. Сооружение, безусловно, является результатом творчества боспорских архитекторов, при этом наличие штукатурки на стенах склепа позволяет считать его отнюдь не самым ранним. В.Ф.Гайдукевич предполагал, что первоначально боспорские склепы не имели особой орнаментальной отделки, к примеру, украшения живописью, профилированными карнизами и пр. По его мнению, они потеряли свою былую строгую монументальность лишь к концу IV в. до н.э. [Гайдукевич, 1949, с. 250].

Круглая форма склепа также, вероятно всего, является относительно поздним признаком. Намёк на переход к такой схеме можно видеть уже в круглом своде Царского кургана при четырёхугольной форме погребальной камеры [Гайдукевич, 1949, с. 246 сл.; 1981, с. 25 сл.; Шалькевич, 1976, с. 138 сл.]. При этом следует особо подчеркнуть, что «купольная» гробница Золотого кургана в наши дни уже не является уникальной для боспорской архитектуры. Совсем недавно под Фанагорией был раскопан курган с подобным по конструкции склепом. Его круглая форма с перекрытием из шести кольцевых уступов вполне аналогична Золотому, хотя размеры гораздо скромней. Склеп оказался ограбленным, но в нём все-таки была обнаружена боспорская бронзовая монета второй половины IV в. до н.э. [Кузнецов, 2004, с. 106-107, 121-122; 2007, с. 10]. Эта находка, во всяком случае, не противоречит относительно поздней хронологической атрибуции боспорских круглых в плане склепов.

Есть веские основания считать, что под Фанагорией был сооружён склеп, по своему устройству аналогичный не только Золотому, но и Царскому. Имеется в виду склеп, открытый В.Г. Тизенгаузеном в 1869 г. На имеющемся в Рукописном архиве ИИМК РАН рисунке прекрасно видно, что погребальная камера была четырёхугольной в плане, а её перекрытие – круглым [см.: Виноградов, 2009б, с. 284-285; Тункина, 2010, с. 58, рис. 38]. Очень жаль, что этот замечательный памятник боспорской культуры не привлекал внимания учёных более 140 лет!

Кроме грандиозного круглого склепа, в Золотом кургане были обнаружены ещё две погребальные конструкции. В 1832 г. в западной части кургана Д.В. Карейша открыл каменный склеп четырёхугольной формы (3,20 × 3,20 м), перекрытый уступчатым сводом. Как явствует из отчёта, он не имел дромоса [Гайдукевич, 1981, с. 8, 9, рис. 2]. В 1853-1854 гг. изучение кургана было продолжено А.Е. Люценко, который обнаружил ещё один ограбленный четырёхугольный склеп с уступчатым перекрытием свода и ведущим к нему дромосом. Его размеры составляли 6,40 × 4,25 м (тоже больше, чем в Царском кургане!), высота – около 5 м [см.: Гайдукевич, 1981, с. 17]. Дромос, также имевший уступчатое перекрытие, был пристроен к восточной стене склепа, при этом прохода из него в погребальную камеру не было сделано.

Всё сказанное выше о грандиозности Золотого кургана позволяет предполагать, что он принадлежал не просто знатной боспорской семье, а правящему на Боспоре роду [Диатроптов, 2001, с. 66; Gajdukevič, 1971, S. 271]. Можно также считать, что

Золотой курган является самым поздним в ряду подобных памятников времени расцвета Боспорского царства в IV в. до н.э., во всяком случае, планировка его склепа, покрытие стен штукатуркой и пр. не противоречат этому. Период расцвета, как известно, завершился серьёзным кризисом, связанным с крушением Великой Скифии (конец IV – начало III вв. до н.э.) и кардинальными изменениями военно-политической и этнической ситуации в степях Северного Причерноморья [см.: Виноградов, 2005, с. 276 сл.]. В это время у владык Боспора вряд ли имелись средства, позволявшие предпринять столь дорогостоящие акции. Возведение Золотого кургана по этой причине нельзя относить к времени более позднему, нежели обозначенный рубеж.

Как известно, после смерти царя Перисада в 310/9 г. до н.э. его сыновья (Сатир, Притан и Евмел) начали жестокую борьбу за престол [см.: Гайдукевич, 1949, с. 73-75; Виноградов, 2003, с. 77 сл.]. Из рассказа Диодора об этой борьбе известно (Diod. XX. 22-24), что первым в ней погиб Сатир, которого похоронили в царской гробнице. Второй жертвой междоусобицы стал Притан, о месте погребения которого нам ничего не известно, однако, можно предположить, что это было сделано в подобающем его социальному рангу месте, рядом со старшим братом. Победа досталась Евмелу, под властью которого могущество Боспора ещё более окрепло, но правил он всего шесть лет и погиб от нелепой случайности в 304/3 г. до н.э. Диодор рассказал о чудовищной жестокости Евмела по отношению к родственникам, но всё-таки можно допустить, что он решил возвести свою гробницу рядом с могилами братьев. Есть все основания считать, что все эти погребения были совершены в Золотом кургане.

В.Ф. Гайдукевич убедительно показал, что сначала были построены четырёхугольные склепы, перекрытые невысокими курганными насыпями. Только после того, как был возведён третий (круглый) склеп, весь комплекс гробниц был перекрыт единой, грандиозной по размерам курганной насыпью [Гайдукевич, 1981, с. 21]. В таком случае, если считать, что «купольная» камера Золотого кургана принадлежала Евмелу, то в двух сравнительно небольших четырёхугольных склепах, вероятно сооружённых в спешке (один из них не имел дромоса, а во втором не было входного проёма из дромоса в погребальную камеру), могли быть погребены Сатир и Притан [Виноградов, 2007, с. 17; 2010в, с. 476].

Такой в общих чертах представляется мне последовательность возведения курганов владык Боспора IV в. до н.э. (от Сатира I до Евмела). Сатиру I, по всей видимости, принадлежал Баксинский курган, Левкону – Острый, Перисаду – Царский, а трём его сыновьям (Сатиру II, Притану и Евмелу) – грандиозный Золотой курган. В заключение необходимо подчеркнуть, что реконструированную последовательность возведения этих погребальных комплексов и их соотношение с конкретными личностями из правящего на Боспоре дома при современной изученности имеющихся материалов следует считать не более, чем рабочей гипотезой.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю.* Скифские цари и «царские» курганы V–IV вв. до н.э. // ВДИ. – № 3. – 1996.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. – СПб, 2003.
- Афанасьева В.К., Луконин В.Г., Померанцева Н.А.* Искусство Древнего Востока. – М., 1976/1977.
- Ашик А.* Воспорское царство. – Т. II. – Одесса, 1848.
- Базайтова Р.* Архитектура на тракийските гробници – принос в историета на античната архитектура // Хелис. – V. – София, 2006.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М., 1964.
- Блаватский В.Д.* Об именах Спартокидов // Художественная культура и археология античного мира. – М., 1976.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є.* Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н.е. // Археологія. – № 2. – 1995.
- Виноградов Ю.А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus – № 3. – 2000.
- Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ. – № 4. – 2001.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб, 2005.
- Виноградов Ю.А.* Золотой курган (Алтын–Оба) // БИ. – Вып. XVII. – 2007.
- Виноградов Ю.А.* Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н.э. // Боспорские чтения. – Вып. X. – Керчь, 2009а.
- Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1858–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. – СПб, 2009б.
- Виноградов Ю.А.* Курган Куль–Оба // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. – Т. I. – СПб, 2010а.
- Виноградов Ю.А.* Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. – Т. I. – СПб, 2010б.
- Виноградов Ю.А.* Золотой курган (Алтын Оба) // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. – Т. I. – СПб, 2010в.
- Виноградов Ю.А.* Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. ММНК. – СПб, 2011а.
- Виноградов Ю.А.* Острый курган под Керчью (об одном забытом памятнике Боспора) // Боспорские чтения. – XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011б.
- Власова Е.В.* Куль–Оба // БИ. – Вып. XIII. – 2006.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – Л.-М., 1949.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы, эллинистическая усадьба, Илурат. – Л., 1981.
- Горбунова К.С., Передольская А.А.* Мастера греческих расписных ваз. – Л., 1961.
- Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. – М., 2001.
- Дюбрюкс П.* Сборник сочинений. – Т. I. Тексты. – СПб, 2010.
- Жиль Ф.А.* Керчь и Таманский полуостров // Известия Императорского русского археологического общества. – Т. II. – 1861.
- Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. – Т. XVIII. – Симферополь–Керчь, 2007.
- Китов Г.* Тракийските могили // Thracia. – 10 – 1993.
- Китов Г.* Долината на тракийските владетели. – Варна, 2005.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тоцев Г.Н.* Курганные древности Крыма. – Запорожье, 1994.
- Крыжицкий С.Д.* Ольвия и скифы в V в. до н.э. К вопросу о скифском «протекторате» // АВ. – № 9. – 2002.

- Кузнецова Т.М.* Исторические персонажи и скифские курганы // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы Международной научной конференции. – Ч. 2. – СПб, 2001.
- Матье М.Э., Афанасьева В.К., Дьяконов И.М., Луконин В.Г.* Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока. – М., 1968.
- Милов В.* Произходит ли купольные гробницы в Тракия // Сборник Гаврил Кацаров. – София, 1955.
- Мозолевский Б.М.* Товста Могила. – Київ, 1979.
- Передольская А.А.* Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного времени. – Л., 1971.
- Пругло В.И.* Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1961 года. – Одесса, 1963.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. – (Л.), 1925.
- Русяева А.С.* Курганы Ольвии как символ её славы и сакральной охраны // АВ. – № 7. – 2000.
- Сабатье П.П.* Керчь и Воспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. – СПб, 1851.
- Савостина Е.А.* Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. – № 2. – 1986.
- Савостина Е.А.* Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М., 1990.
- Савостина Е.А.* Курганы Боспора // Сборник 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. – Ст. Тамань, 1996.
- Спаский Г.И.* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. – М., 1846.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. – Вып. I. Классические древности Южной России. – СПб, 1889.
- Тункина И.В.* История изучения // Античное наследие Кубани. – М., 2010.
- Федосев Н.Ф.* Эллиническое и варварское в погребении Куль-Обы // Боспорские чтения. – XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011.
- Филов Б.* Купольные гробницы при Мезек // Известия на Българския археологически институтъ. – Т. XI. – 1937.
- Цветашва Г.А.* Курганный некрополь Пантикапея // МИА. – № 56. – 1957.
- Шалькевич А.А.* Архитектурное исследование Царского кургана // ТГЭ. – Т. 12. – 1976.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. – М., 1985.
- Alekseev A. Yu.* Scythian Kings and “Royal” Burial-Mounds of the Fifth and Forth Centuries BC // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD). – Exeter, 2005.
- Boardman Jh.* Persia and the West. An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenid Art. – London, 2000.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. – Berlin, 1971.
- Garlan Y.* Les timbres amphoriques thasiens trouvés à Baksi // Kotinos. Festschrift für Erika Simon. – Mainz/Rhein, 1992.
- Kryzhitskiy S.D.* Olbia and the Scythians in the Fifth Century BC. The Scythian “Protectorate” // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD). – Exeter, 2005.
- Kurtz D.C., Boardman J.* Greek Burial Customs. – London, 1971.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. – Cambridge, 1913.
- Montpéroux de D.* Voyage autor du Caucase, chez les tcherkesses et les abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Armenie et en Crimée. – Т. V. – Paris, 1843.
- Nylander C.* Ionians in Pasargadae. Studies in Old Persian Architecture. – Uppsala, 1970.

Rostowzew M. Iranism and Ionism in South Russia. – СПб, 1913.

Schmidt E.F. Persepolis. The Royal Tombs and other Monuments. – III. – Chicago, Illinois, 1970.

Sevinç N., Treister M. Metalwork from the Dardanos Tumulus // *Studia Troika*. – Bd. 13. – Mainz on Rhein, 2003.

Shefton B. The krater from Bakxy // *The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens*. – Cambridge, 1982.

Shefton B. The Bakxy Krater once more and some observations on the East Pedium of the Parthenon // *Kotinos. Festschrift für Erika Simon*. – Mainz/Rhein, 1992.

Theodossiev N. The Sacred Mountain of the Ancient Thracians // *Thracia*. – 11 – 1995.

Valeva Ju. The Painted Coffers of the Ostrusha Tomb. – Sofia, 2005.

Venedikov I. L'Origine des tombeaux a coupole // *Thracia*. – 3 – 1974.

Ю.О. Виноградов

ЦАРИ БОСПОРУ ТА БОСПОРСЬКІ КУРГАНИ IV СТ.ДО Н.Е.

Резюме

Питання про виділення поховань владик Боспору Кіммерійського серед маси розкопаних тут курганів у науковій літературі по суті не ставився. Зрозуміло, що в порівнянні зі звичайними курганами вони повинні виділятися своїм положенням на місцевості, особливо великими розмірами насипу, похоронної камери, а також багатством супроводжуючого інвентарю. В цьому відношенні пригортає увагу чотири добре відомих курганів: біля села Бакси (сучасна Глазівка), Гострий в некрополі Юз-Оба, Царський та Золотий. Перший з них, найбільш ранній, містив склеп з уступчастим перекриттям склепіння. Відкрите в ньому поховання хронологічно більш за все відповідає Сатиру I, померлому у 389/8 р. до н.е. Вельми цікаві виявлені тут предмети, пов'язані з перським культурним впливом. Гострий курган виділяється не тільки великими розмірами, але й монументальною восьмикутною кріпідою, а також наявністю тут катакомби. Такі похоронні камери були характерні для Скіфії, але двосхилий звід катакомби близький оформлення гробниць Персії, Малої Азії та Фракії. Поховання в Гострому кургані пропонується пов'язувати з Левконом I. У Царському кургані, найімовірніше, був похований Перисад I. Найбільш пізнім серед названих курганів, як уявляється, є Золотий. Археологічними розкопками тут були відкриті три склепи з уступчастими перекриттями. Цілкові ймовірно, що їх слід пов'язувати з похованням трьох синів Перисаду I, які боролися за владу у 310/9 р. до н.е. (Diod.XX. 22-24). Грандіозний склеп, який мав круглу форму, ймовірно, належав Євмелу, два чотирикутних – Сатиру II та Притану.

Ю.А. Виноградов

ЦАРИ БОСПОРА И БОСПОРСКИЕ КУРГАНЫ IV В. ДО Н.Э.

Резюме

Вопрос о выделении погребений владык Боспора Киммерийского среди массы раскопанных здесь курганов в научной литературе по существу не ставился. Понятно, что в сравнении с обычными курганами они должны выделяться своим положением на местности, особо

крупными размерами насыпи, погребальной камеры, а также богатством сопровождающего инвентаря. В этом отношении привлекают внимание четыре хорошо известных кургана: у села Баксы (совр. Глазовка), Острый в некрополе Юз-Оба, Царский и Золотой. Первый из них, наиболее ранний, содержал склеп с уступчатым перекрытием свода. Открытое в нём погребение хронологически больше всего соответствует Сатиру I, умершему в 389/8 г. до н.э. Весьма любопытны выявленные здесь предметы, связанные с персидским культурным влиянием. Острый курган выделяется не только крупными размерами, но и монументальной восьмиугольной крепидой, а также наличием здесь катакомбы. Такие погребальные камеры были характерны для Скифии, но двускатный свод катакомбы близок оформлению гробниц Персии, Малой Азии и Фракии. Погребение в Остром кургане предлагается связывать с Левконом I. В Царском кургане, вероятнее всего, был погребён Перисад I. Наиболее поздним среди названных курганов, как представляется, является Золотой. Археологическими раскопками здесь были открыты три склепа с уступчатыми перекрытиями. Вполне возможно, что их следует связывать с погребениями трёх сыновей Перисада I, боровшимися за власть в 310/9 г. до н.э. (Diod. XX. 22-24). Грандиозный склеп, имевший круглую форму, вероятно, принадлежал Евмелу, а два четырёхугольных – Сатиру II и Притану.

Y.A. Vinogradov

THE KINGS OF THE BOSPORUS AND THE BOSPORUS MOUNDS OF THE 4th century BC

Summary

The question about distinguishing burials of the Cimmerian Bosphorus kings among a number of mounds excavated here has not been raised substantially. It is clear that in comparison with the usual mounds they must stand out for their position on the ground, particularly large sizes of the mound and burial chamber, as well as wealth of accompanying inventory. In this respect, four well-known mounds attract our attention: the mound near Bakсы village (now Glazovka), the Ostry Mound in the necropolis Yuz-Oba, the Royal Mound and the Golden Mound. The first and earliest of them, contained a crypt with ledged vault. The burial discovered there, chronologically matches Satire I, who died in 389/8 BC. Items related to the Persian cultural influence and identified here are very interesting. Ostry mound stands out not only for its large size, but also for monumental octagonal revetment, as well as for the presence of a catacomb here. Such burial chambers were characteristic of Scythia, but gable vault of the catacomb is close to the décor of tombs of Persia, Asia Minor and Thrace. We propose to connect the burial in Ostry Mound to Leukon I of Bosphorus. In the Royal Mound, Pairisades I was most likely buried. The Golden Mound seems to be the oldest among recently named mounds. Archaeological excavations here discovered three crypts with ledged vaults. It is possible that they should be associated with burials of three sons of Pairisades I, fighting for power in 310/9 BC (Diod. XX. 22-24). Grand tomb, which had a circular shape, probably belonged to Eumelus and two quadrangular ones to Satire II and Prytanus.